

Артём
Голиков

ИЦ ЛЮБВИ, РОБОТОВ

18+

Одобрено Рунетом

Артем Голиков

Ни любви, ни роботов

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Голиков А.

Ни любви, ни роботов / А. Голиков — «Издательство АСТ»,
2022 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-144597-3

Шила в мешке не утаишь — книга составлена из постов в соцсетях за последние семь лет, тех, что поприличней. Предыдущая моя книга, устроенная по тому же принципу, называлась «Тёмная материя», была очень светлой, и почти каждый текст в ней был про смерть. Книга, которую вы держите в руках, напротив, про жизнь. Жизнь, в которой я, как и все мы, пытаюсь разобраться, но она (жизнь) всё равно для меня «тёмная материя», поэтому я назвал книгу «Ни любви, ни роботов». По идее, названия нужно поменять местами. Следующая книга, очень надеюсь, будет про любовь. Как будет называться — пока не знаю. Выйдет через семь лет. Не пропустите.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-144597-3

© Голиков А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

1. Цветочки	6
Вадик	6
Море	9
Призраки	11
Будни	12
Гамлет	14
Там, где кыгыльды эккенре	16
Как писать идеальные каменты	20
Говно	22
Живой труп	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Артём Голиков

Ни любви, ни роботов

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

В оформлении книги и на обложке использованы иллюстрации Романа Лыча
Дизайн обложки: Юлия Межова

© Артём Голиков, текст, 2022

© Роман Лыч, иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

1. Цветочки

Вадик

– Тишина, будет дубль.

Павильон замирает.

– Камера?

– Да.

– Сцена 6 дубль 61. Щёлк!

– Ну, давай, маленький ублюдок!.. – шепчет режиссёр.

– И... Начали!

Камера выходит на крупный план. Полуоткрыв рот, Вадик трагически замирает. Тридцать человек с высшим образованием жрут глазами монитор.

– «Второстепенное вспоможествование!..» – шепчет второй режиссёр.

– Втрстпное вспмнствие! – оживает Вадик. Мороженое из стаканчика падает ему на живот.

– Стоп!.. Стоп!.. – Режиссёр кидает микрофон об стол и яростно трёт шею. Три часа ночи. Девушка-хлопушка стирает цифру 61 и меняет на 62.

– У агентства предложение. – Женщина без лица выныривает из темноты за спиной режиссёра. – Давайте его ещё раз побьём?

Режиссёр пожимает плечами и поворачивается к маме Вадика, та машет руками:

– Бейте, бейте, ничего страшного.

– Гм. Постановщики!..

– Отставить постановщики! – Это бежит продюсер. – Отставить бить ребёнка! Вы что, с ума посходили?! – На лице продюсера такая ярость, что режиссёр невольно прикрывается ладонью. – Я тебе дам ребёнка бить! У него по контракту побои как переработка! Ты ему переработку платить будешь, бурдюк патлатый?!

Хитрость мамы не удалась – режиссёр не хочет платить переработку. Два здоровенных постановщика, один с черенком от лопаты, другой с солдатским ремнём в руках, уныло возвращаются на место.

Однако надо что-то делать. Режиссёр, кряхтя, выкарабкивается из-за столика и ковыляет к ребёнку.

– Вадик, ты любишь котятков?

– Ну да.

– Таких пушистеньких, маленьких?

– Да, люблю. А ещё биониклов и попкорн.

– Это не важно. Вадик, у меня есть котёнок. Если ты не скажешь хорошо «второстепенное вспоможествование», я выдавлю ему глазки. Вот так, смотри, – режиссёр очень натурально показывает, – я возьму котёночка, сломаю ему лапки и выдавлю глазки. И он будет слепой и умрёт. Ты хочешь, чтоб котёнок умер?

– Нет.

– Ты скажешь «второстепенное вспоможествование»?

– Втрстпное вспмнжствие.

Режиссёр издаёт тяжёлый нутряной стон.

– Агентство, в богу вашу душу мать, мы можем придумать ребёнку текст попроче?

Слышно, как микрофон поднимают со стола, откуда-то сверху через колонки звучит капризный женский голос:

– Клиент предлагал ещё вариант: «Восприпяху существу коллаборационизму общностей» – подойдёт?

Режиссёр снова воет. Снова склоняется к Вадику.

– «Вто-ро-сте-пен-ное вспо-мо-жес-Мать его! – тво-вание» – скажешь так?

Вадик серьёзно кивает.

– Да.

Жилка дрожит у режиссёра под глазом.

– Иначе умрёт котёнок.

– Да. – Тупо кивает Вадик.

– Будет дубль!

Режиссёр бежит на своё место. Вялое оживление в павильоне.

– Камера?

– Да.

– Сцена 6 дубль 62. Щёлк!

– Ну, давай, маленький ублюдок!.. Начали!

– Втрстпна вспмнжство!

– Ещё раз!

– Втрстпна вспмнжство!!

– Веселей!

– Втрстпна вспмнжство!!!

– С улыбкой!

– Втры-сты-пина вспы-мныж-ва!!!!..

– Стоп!

Режиссёр вопросительно озирается.

Монтажёр: – Он должен сказать это на две секунды быстрее и держать мороженое в другой руке.

Оператор: – Ему надо повернуть лицо к свету на пять градусов по часовой.

Звукорежиссёр: – Чтобы не задевать локтём микрофон, мальчик должен встать раком.

Костюм: – Пусть не мнёт одежду.

Грим: – Пусть не моргает и не чешется.

Реквизит: – Мороженое полиуретановое, если он дотронется им до лица, то ослепнет.

Женщина без лица (снова выныривая из темноты павильона): – Слово «второстепенное» должно звучать с затаённой откровенностью, а «вспоможествование» как бы лукаво, но в то же время без обиняков, иначе мы это клиенту не продадим.

Второй режиссёр: – Через десять минут нас выгонят из павильона, мы можем переставляться на пэкшот¹?

Режиссёр берет микрофон и поднимается в полный рост.

Режиссёр: – Вадик. Посмотри на меня. Ты видишь нож? Видишь, какой он большой и острый? Вадик, сейчас мы включим камеру, ты повернёшься в нужную сторону и не моргая и не трогая рубашку и микрофон, с затаённой откровенностью, но при этом лукаво и без обиняков скажешь «второстепенное вспоможествование». Если ты этого не сделаешь, маленький ублюдок, клянусь богом, я перережу (иди сюда!..) я перережу твоей маме горло. Кивни, если понял? Отлично. Я буду держать твою маму вот так, чтобы тебе было видно. «Второстепенное вспоможествование». Запомнил? Камера, мотор!..

¹ *Пэкиот*, от английского *packshot* – «кадр с упаковкой». Завлекательное изображение продукта в самом конце рекламного ролика. Когда в финале рекламы печенья вам показывают красивую пачку печенья – это пэкиот.

Вадик закончил съёмку под утро, когда чужие дяди уже ругались матом и выдирали шнуры, полежал недолго в детской психиатрической с навязчивым неврозом, полностью восстановился, закончил школу и техникум, на свадьбе сокурсника поднялся произносить тост за здоровье молодых, но перед объективом видеокамеры неожиданно заикнулся на фразе «второстепенное вспоможествование», впал в ярость, спровоцировал конфликт, от полученных повреждений скончался.

Режиссёр тоже полежал немного в психиатрической клинике с навязчивым неврозом, недолечился, уехал в Паттайю и сел там на двадцать лет за растление малолетних.

Рекламный ролик, в котором снимался Вадик, хоть и занял второе место на внутреннем конкурсе компании «Русский фарингит», однако в эфир не пошёл, потому что рекламируемый продукт попал под санкции и был раздавлен бульдозерами при попытке пересечения белорусской границы. Пробовали на компьютерной графике заменить мороженое в руке Вадика на второй продукт компании – мороженую люлю, но ничего не вышло, фокус-группы восприняли адаптацию крайне негативно, хотя и отмечали, в частности, трогательную искренность, с которой маленький мальчик с мороженой люлёй в кулаке произносит в кадре слова «второстепенное вспоможествование».

Море

Я не хочу на море. Я хочу смотреть «Фиксиков». Зачем мы пошли на гору? Меня тошнит. Я хочу паэлью из лобстера. Я больше не хочу паэлью из лобстера, я хочу чупа-чупс. Я не хочу быть сильным и отважным путешественником. Я не хочу настоящий кокос. Я не хочу пробовать папайю. Я хочу хлопушки «Любятово».

Ладно, я съем немного лобстера, если мне подарят мячик-попрыгунчик.

Уф, как жарко!

Папа, мой мячик-попрыгунчик укатился с горы!

Спасибо, что догнал мой мячик-попрыгунчик!

Папа, мой мячик-попрыгунчик ускакал в кактусы!

Спасибо, что достал мой мячик-попрыгунчик!

Папа, мой мячик-попрыгунчик провалился в пропасть, в ад, в собачье дерьмо!

Нет, мой был зелёный.

Нет, мой был в полоску.

У нас нет больше воды.

У нас нет мокрых салфеток.

Сиеста, все закрыто.

Разорви майку, я перевяжу.

Папа, твой лобстер упал в собачье дерьмо!

Тебе звонят с работы. Папа, новый мячик-попрыгунчик тоже упал в собачье дерьмо! Нет, он не может сейчас подойти. Он в кактусах. Возможно, позже.

Я хочу мороженое. Не такое мороженое. И не такое мороженое. Я хочу мороженое, как было на горе. Я хочу мопса из «Тайной жизни животных». Я не хочу на море. Я хочу платье принцессы. Нет, это с шоколадом. Я хочу без шоколада. Папа, съешь шоколад с моего мороженого? Папа пьёт пиво с шоколадом! Ты что не видишь, что оно течёт?! У нас нет больше воды. Не вытирай об меня руки! ПЛАТЬЕ!.. Дай свою майку. Дай своё пиво. У нас нет больше влажных салфеток.

Какая жара! Снимай штаны! Что ты делаешь? Брось ты этого мопса, ешь шоколад с платья! Чёрт. Упало в собачье дерьмо... Не ори на меня! Упало – значит, упало. Ты можешь его хотя бы облизать? Чёртова сиеста! Тебе опять звонят с работы. Нет, он не может подойти. Он... даже сказать не могу, что он делает... Спасибо, и вам. Как болит голова!

Папа, я не хочу спать ночью. Я не хочу купаться днём. На пляже скучно. Я хочу в Москву. Я хочу смотреть «Фиксиков». Мне жарко. Мне холодно. Меня тошнит.

Папа, твой лобстер упал в собачье дерьмо. Карточка заблокирована. Откуда я знаю как? Вот так.

Я хочу в туалет прямо сейчас.

У нас нет больше мокрых салфеток. Сиеста, всё закрыто. Ну и жара!

Я не могу идти. Я хочу спать. Я не хочу спать. Понеси меня. Я хочу в самолёт. Я не хочу в самолёт. Я хочу в зону турбулентности. Меня тошнит. Какой маленький самолёт. Боже, как трясёт! Я очень хочу в туалет. Я очень хочу в туалет в платье принцессы.

Подожди!

Я хочу взять в туалет мой мячик-попрыгунчик. И мопса из «Жизни животных». У меня болит голова. Сядьте, мужчина, самолёт в зоне турбулентности! Какой маленький туалетик! Ого, как на американских горках! Папа, смотри, я певица! Папа, смотри, я человек-паук! Меня тошнит. И меня! Папа, смотри, меня тошнит на платье принцессы! А меня на мопса! Скользко. А где мой мячик-попрыгунчик? Что вы там делаете? Можешь открыть дверь? Тебе снова звонят с работы. Нет, он не может подойти. Кажется, он достаёт мячик-попрыгунчик со дна само-

лётного гальюна. Нет, теперь уже всё – завтра на работу. Да, точно, отдохнули и хватит. Две недели как в раю. И вам.

Мама, смотри, папа снова достал мне мячик-попрыгунчик!

Боже, какая грязь! Так, снимайте всё. Одежду придётся сжечь. Говорю тебе, ни воды, ни салфеток. Где ты так рассадил бровь? Подожди, я разорву майку. Мама, мне очень понравилось в туалете! Там была такая кнопка! Когда мы снова поедem на море? Мне очень понравилась зона турбулентности! Это наш чемодан? Я хочу в туалет. Ну всё, теперь уже дома. Уже всё. Теперь дома. Приехали. Всё.

Вы ложитесь в буфет, а Тамара Петровна ляжет в мойку.

Ложитесь между утюгом и мясорубкой. Я поставлю хлеб на завтра. Часы очень громко тикали, я остановила.

Я не могу спать в сахарнице. Душно.

Вот одеяла. Была скатерть хозяйская, я порезала, думала на лето пальто сшить. Берите самый большой, я не буду раздеваться. Тамаре Петровне поменьше. Она храпит.

Ложитесь в лоток. Нет, он чистый. Котик давно умер, а лоток я вымыла. Не знаю, зачем лоток оставили. Видимо, на память.

Всё равно немного пахнет.

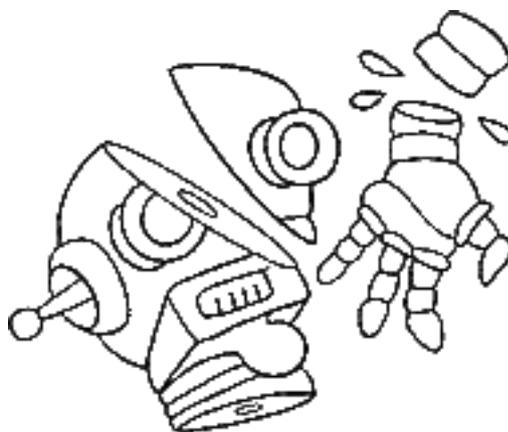
Уже очень поздно. Тамара Петровна, ты почистила зуб?

Хозяева воткнули две иглы в порог, чтоб Кузьма не ходил. Он безобразничал. Залезет в ноутбук и воеет. Ноутбук нагревается, а ему всё трин-трава. Говорил, полезно для поясницы.

А с котиком мы не ладили. Уставится на меня и смотрит. «Чего, – говорю – глядишь?» Пришлось его... Ну, спокой вам ночки.

Перья, камень, кредит... Совсем засыпаю уже. Тамара Петровна, будешь вставать – дети на столе ложку оставили, не споткнись. Уж я лизала-лизала её... Какао... Косу надо... Стекло...

Призраки

Будни

- Артём, привет! Клиент просит поставить в их ролик их логотип. Что вам для этого нужно?
- Милена, привет! Мне нужен их ролик и их логотип.
- Отлично, Артём! Вот ссылка на польский фтп!
- А что там?
- Оцифрованные в формате mxf не вошедшие в монтаж дубли из кинофильма Иштвана Сабо «Полковник Редль». Что мне сказать клиенту? Когда мы сможем посмотреть ролик с логотипом?
- Для того чтобы сделать ролик с логотипом, мне нужны ролик и логотип.
- Артём, у нас немного горят сроки. Вы будете дома в ближайшее время? К вам выехал курьер.
- Курьер везёт ролик?
- Курьер везёт вам буй.
- Простите?
- Буй РГБ-1 комплекса «Беркут», пассивный, ненаправленный. Когда мы сможем увидеть ролик?
- Я думаю, Милена. Проверяю по моей загрузке... А вот скажите, в порядке бреда – курьер может вместе с бум РГБ-1 захватить для меня ролик и логотип?
- Проверьте почту.
- Там ролик и логотип?
- Там неработающая ссылка на полный архив документооборота службы снабжения вермахта периода начала активных действий на Белорусском фронте.
- Милена, ссылка не работает.
- Я знаю.
- Артём, не хочу давить, но когда мы всё-таки увидим ролик с логотипом?
- Очень скоро, Милена! Мне осталось только получить от вас ролик и логотип...
- Я узнавала у клиента, ролик ещё в астрале. Вместо ролика возьмите пока сову.
- Понятно. А логотип?
- Ждите, к вам выехал курьер.
- С бум?
- Нет. С логотипом.
- Хм... Немного необычно, что логотип везёт курьер. А в каком он формате?..
- Курьер? В формате «Яндекс-еда».
- Нет, логотип. Надеюсь, он в векторе?
- Нет.
- В растре?
- Нет.
- В ворде?
- Нет.
- Рисунок на салфетке?
- Нет.
- Я сдаюсь.
- Это песня.
- ??
- (поёт) Звени, комуз, акына голос слушай, на плашке буквы цвета спелого граната!..

- А дальше?
- Всё.
- Понятно.
- Я рада, Артём, что вам понятно. Когда ждать ролик?
- Я послал вам ссылку на сайт портала феминизированных казачек Бурятии.
- Спасибо, Артём! Ссылку получила! Вот вам пока фотографии участников проекта «Манхэттен» в формате drx, 16 бит, логарифмическая шкала цвета! Скажите, вам достаточно такого разрешения?
- Более чем! Кинул вам «Почтой России» ссылку на гугл-карты, по ссылке склад, где задешево покупают деревянные поддоны из Прибалтики!
- Заказала вам доставку глазированных сырков и вызвала пожарных!
- Спасибо, Милена! Шлю вам кастинг сов с наложенной песней в формате вологодского кружева!
- Усы, оттепель, колченогое, Мейерхольд!
- 10010 101110 1! 1010011 1010 0100110 100!!
- Лдшутещцкшутешкщмфттнш!..
-
-
- .

Гамлет

«Ноги мои, – с удивлением думал Иванов. – Хм... Нечасто приходится их видеть...»

«Когда я работаю, они под столом, – размышлял Иванов, заходя поглубже, – когда сплю – под одеялом. А во время секса?.. – Иванов попытался представить, что делают ноги во время секса. – Тоже, видимо, чем-то заняты... а больше я нигде и не бываю...»

Оглянувшись вокруг, Иванов понял, что зашёл достаточно. Ощущение отпуска, чем-то похожее на плохо промешанное пюре, растекалось по организму. Теперь нужно было плыть.

Иванов почесал в затылке, лёг в воду и взбрыкнул ногами, как делала лягушка, которую он видел на ютубе.

Мощные сидельные мышцы, хорошо развитые дизайнерским трудом, резко дёрнули за берцовые кости. Ниже по ноге мышц не было, и тоненькие икры бессильно заболтались в прозрачной воде, а правая стопа, про которую врач ещё давным-давно сказал «вам и так будет нормально», снялась с привычного места и виновато повернулась носком назад.

«Чего и следовало ожидать», – подумал Иванов.

С ногами не вышло, Иванов загрёб руками, мощно фыркая, отплёвываясь от солёной воды.

Было странное ощущение, как от езды на машине с прогоревшим сцеплением – мотор ревёт, а ускорения нет.

Ветер тихонечко относил Иванова от берега, плескались волны.

«Что-то не так».

Иванов скосил глаза и увидел круглый бугорок своего плеча, который вхолостую крутился в воде, и дальше приделанный к нему узенький локоть, мягкий, как у куклы, не способный передать движение воде.

«Это логично. В начале дня я кладу руки на клавиатуру, чем даю нагрузку на плечо. В конце дня я руки с клавиатуры убираю. Итого – два подхода. Локти же просто лежат на столе, вот они и атрофировались».

Иванов перестал шевелить руками (ничего не изменилось) и закрыл глаза.

«Я совсем промок, – подумал Иванов, и от этого стало легко. – Я скоро утону».

Зелёная вода покачивала Иванова, солнце жгло спину. Серые рыбы плавали восьмёрками, не зная, куда себя деть. Ветерок относил Иванова всё дальше от берега.

«Жалко, конечно, что у меня нет мышц, – размышлял Иванов. – С другой стороны, нужны они всего неделю в году, а что в остальное время с ними делать? Спортом заниматься? – Иванова передёрнуло. – Фитнес-залы... Чужие потные люди... Отупляющие монотонные движения... Бег на месте... Бег по кругу...»

«Да вся моя жизнь – бег по кругу!» – вдруг не без горечи подумал Иванов.

«Скажем, за годы работы я сделал так много проектов, что уникальные проекты в природе просто закончились, проекты начали повторяться. Приходит новый проект, а я вижу, что он не новый. Такой уже был...»

«Или, к примеру, жена... – Рядом с Ивановым плюхнулся мяч, его подобрали и кто-то весело закричал. – ...Как и все известные мне браки, наш строится на том, что я кладу вещи на одни места, а жена находит их и перекладывает на другие. Вначале это бесило, в наших отношениях был какой-то нерв... Но потом я стал фрилансером, и мне стало плевать, потому что вещей у меня нет, я их не использую. А жена всё равно каждый день что-то перекладывает. Я видел. Она хорошая, но как-то всё это бессмысленно...»

Сквозь закрытые веки Иванов видел зелёный свет, пронизывающий маслянистую воду, и ему чудилось, что свет тоже смотрит на него.

«Так ради чего ты живешь, Иванов? – спрашивал свет. – Что держит тебя на плаву?»
– Чего ты тут разлѣгся?

Иванов резко открыл глаза (оказалось, от берега его отнесло уже метров на шесть). Чужая тѣтя обращалась к чужому малиновому дяде, а дядя плавал лицом вниз и пускал пузыри. Похоже, в этом положении он провѣл довольно длительное время.

Дядя привлѣк внимание Иванова. Что-то в нём было такое, что заставило сердце Иванова биться чаще. Иванов почувствовал, что близок к разгадке.

– Коль?.. Да что с тобой?.. Ты что...

«...Пьяный?!» – с расцветающим в груди восторгом договорил за тѣтю Иванов.

Яростно болтая плечами, Иванов выпустил кисти рук вперѣд.

«Пьяный!.. Ну конечно!.. Как я мог забыть?!»

Всѣ встало на свои места. Бессмысленный быт, бессмысленный труд, жизнь, направленная на бесконечное повторение самое себя, – всѣ выстроилось и собралось в стройную и завершённую конструкцию, всѣ обрело цель.

«Я знаю, кто я».

«Я знаю, зачем это всѣ».

Мощный, невероятно развитый указательный палец правой руки, которым Иванов по шестнадцать часов в сутки крутил ленту, вспенил воду. Левая кисть тоже не отставала, подруливала, делая привычные движения Ctrl+C, Ctrl+V.

Через минуту Иванов был на берегу, через две звучно крякнул и поставил пустой стакан на стойку.

– Вам повторить? – Бармен провел ладонью по лицу – от игры солнечных лучей ему на мгновение показалось, что бледный славянский простофиля у стойки излучает волнующий зелёный свет.

– Повторить, – уверенно кивнул Иванов, любуясь своим огромным, как у манящего краба, рабочим указательным пальцем. – Повторить. Повторить, повторить, повторить.

Там, где кыгыльды эккенре

Здравствуй, дружок!

Я рад сообщить, что с сегодняшнего дня твой дом присоединяется к моей ежегодной программе «Моемся лапой вместе с мэром».

Когда я был маленький, у меня был ручной кай'а-у мар. Я звал его Эккенре. Как у всех кай'а, у Эккенре была острая унг и густые черные или-у. Когда охота была удачной, я кормил его жиром тэ.

В год Совы в наше стойбище пришла беда. Солнце высохло, как грудь сылы, маленькое слабое Дюрюм не взошло летом, голод и чёрная язва косили И. Бесконечная ночь обняла тегернэ.

Мы съели мать.

Отец сказал – съедим кай'а-у мар. Он был очень слаб. Я отнял у него нож.

– Эккенре, – сказал я, – выюга и метель ягды. Огонь погаснет. Ты и я остались. Некого больше есть.

Кай'а-у мар сел у отто (он тоже был слаб), зачерпнул затаи'ма и стал мыть свои или-у. Когда закончил, сказал – я готов.

Прошло много ы. Столько ы прошло, что и не сосчитать.

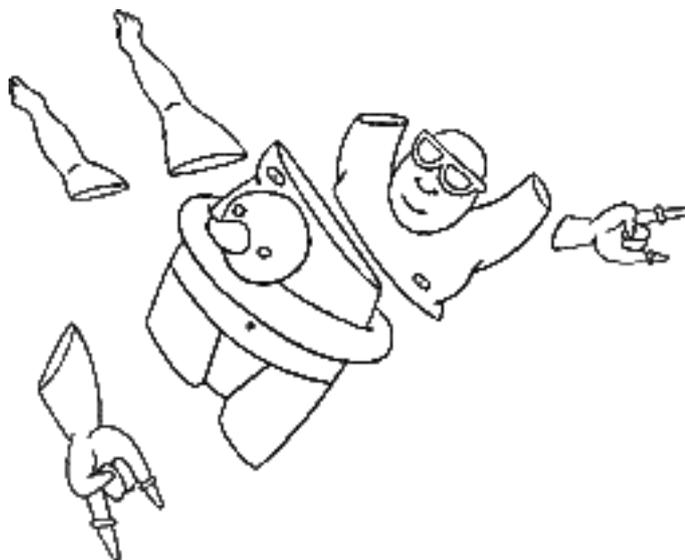
Теперь я не младший цукум-тэ в стойбище И, я твой мэр. Голова моя побелела.

К двум вещам не привыкну. Первая – Солнце здесь показывает и прячет свой Дюрюм триста раз в год, как беспутная дочка Сиги Куле'хэ. Рябит в глазах. А вторая – твоё нытьё, мой дружок, когда в память о милом Эккенре я выключаю тебе горячую гэвээс.

Милый Эккенре, знал ли я, там, в холодном чуме, когда на камне для раскалывания костей ты отдавал мне своё тепло, что в далекой Мо-ау я буду растить пластиковые вишни и выкладывать камнем дорожки нарт'менгэ?

Так что мойся лапой, мой неискренний друг, плачь и мойся лапой вместе со своим мэром, как много ы назад мылся единственный, кто любил меня.

Через две недели включу назад тебе твой гэвээс.

* * *

Жгло щёку. Митрич проснулся и отёр лицо – солнце давно перекаатило через крышу сарая и кроны яблонь и теперь висело гораздо ниже, чем желал увидеть Митрич. Мир был грозен и лилов.

«Представляю, что сейчас во входящих делается!»

Помогая руками, оглушённый Митрич перевернулся и рысцой поскакал из кустов искать зарядку, но, и метра не сделав, уткнулся в цветастый подол – две бабы в огороде тэгали еду.

– Морковь пропустила, – строго сказала старая, укоризненно глядя на Митрича.

– Извиняй, Марфуша.

Молодая баба вернулась и затэгала морковь, после чего тоже посмотрела на Митрича.

– Чего вылупились, курвы? Фриланс идёт!

– Чёй-то он у тебя на четырёх ногах идёт? – не испугалась Марфуша.

– Уработался, аж батарея села. Есть концы от андроида?

– Не держим.

– Тогда чего скалитесь? – осерчал Митрич. – Сдриснь с дороги!

– И-их, милый, – всплеснула руками Марфуша, отходя, однако, с тропинки. – Раньше б знать!

– Чё тебе знать, падла?

– Да что у нас в кустах у сортира коворкинг открылся!..

«Ужасающий харассмент, если вдуматься!.. – на бегу размышлял осмеянный бабами Митрич. – В приличной стране за такое самолет отсудил бы. Однако, нужен заряд...»

Извалявшись в репье, Митрич первым делом выкатил к деревенскому пауэрбанку и только с досадой подёргал нагретый солнцем железный калач. «Пн – услуги фельдшера, Вт – участковый (поиск не по Гуглу), Ср – отец Филимон. Продажа алкоголя и аккумуляция электрорядов в период ЧМ не производится».

Широкая лента реки блестела на солнце. Толкаясь и наползая друг на друга, задевая прибрежный ивняк, по реке шел мем.

– Чаго пропал?

Вдоль воды, прямые, как мазаевские зайцы, с багами в руках торчали любознательные местные старики и глядели на плывущие мимо мемы. Время от времени кто-то тыкал мем багром – лайкал.

– В бане был.

– И как? Помылси? – Старики захихикали.

– Одуреть смешно. – Митрича на неделю забанил участковый, за то, что Митрич назвал его сына Гондурасом. Митрич считал бан политически мотивированным. – Прикурить бы мне, Степаныч? Или хоть входящие проверить? – спросил Митрич ласково.

Дед положил багор на траву, вытер руки об рубаху и достал айфон – Митрич уж приготовил благодарственную улыбку – но подлый старик вдруг хохотнул и свернул клешни амперсандом – накося, выкуся!

– Алиса, сотри ему всю порнуху, пусть воображение тренирует! – крикнул Митрич, целя деду в уязвимое.

– Шёл бы ты лесом, мил человек. – По-медвежьи расходящаяся к комлю фигурой бабка Алиса поднялась из кустов, отряхивая зад. – Через сто пятьдесят метров поворот направо. Вы прибыли в пункт назначения.

Можно было, конечно, последовать совету Алисы, пройти лесом и заглянуть на ферму. Митрич поморщился – на ферму идти не хотелось.

На прошлой неделе Митрич гостил на ферме, увлёкся и с пьяных глаз оставил свою страницу ВК открытой. Мало того что на незапертую страницу ночью влезла корова, злые люди от имени Митрича «продали» каким-то ротозеям грузовик кожаных пальто из Индии, а задаток потратили на сетевых проституток. С утра Митрич брезгливо перебирал список добавившихся френдов – Аня Аня, Лара Лара, Марьяша Котик и Анастас Баянист Сальников.

– Люськ, а Люськ. Дай входящие проверить?

– Пускай Анастас Баянист Сальников тебе даёт.

Ночь вышла свежей, розовая долька луны низко висела над церковью.

Митрич огляделся, из-под фуфайки скользнул топор. Затрещало дерево. Митрич отвалил повисшую на петлях створку и зашёл во входящие.

«В вашей корзине остался товар...», «Предлагаем к продаже базы данных организаций...», «Персональная скидка на все тапочки!..»

Митрич поводит фонариком – Аня, похожая на неваляшку немолодая унылая баба, уже изрядно продрогшая, поднялась с лавки вновь проситься во френды.

– А ну, кыш отсюда, курва!

Более никого во входящих не было.

Митрич вышел на крыльцо, машинально вынул телефон. Ночной воздух пах росой, где-то далеко за рекой уютно брехала собака.

«Всегда так. Вломился – порожняк, а забил бы болта – наверняка срочные каменты оказались б».

От свободы хотелось петь. Беззлобно ругаясь на мелковатые кнопки, Митрич натыкал в телефоне что-то про «Приятное известие! Ваш выигрыш составит более...» и послал наудачу.

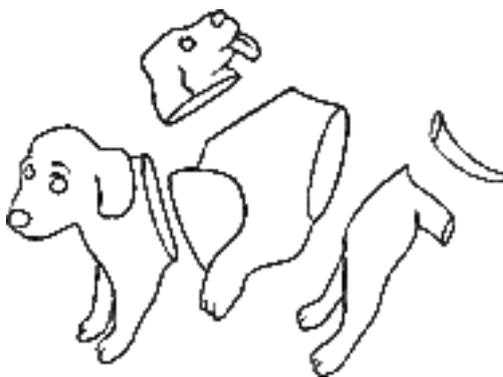
«По проводам найду, рога тебе сломаю!» – был ответ.

Митрич улыбнулся, сунул телефон в карман и пошёл к Люське.

Сторож Зураб вертел в лапах адресованные Митричу срочные каменты.

– АСАП. Какой ещё АСАП? По-русски писать научись, потом людей донимай!

Зураб пожал плечами и смахнул каменты метлою в спам.

* * *

В целях усиления безопасности в преддверии мировых чемпионатов по кеглям, шашкам и спортивному очку РКН рассмотрел объекты, пригодные для блокировки на территории РФ, и принял решение заблокировать сарказм.

Работы по блокировке сарказма начались в минувший понедельник, однако об успехах говорить пока рано – сарказм до сих пор доступен почти на всей территории РФ. Более того, некоторые эксперты считают, что сами действия контрольного ведомства вызывают усиление блокируемого ресурса.

– На вопрос «готовы ли вы добровольно отказаться от сарказма?» многие провайдеры сарказма отвечают нам: «да, конечно, щас!», но мы не можем быть уверены, что это не очередной сарказм, так как сами отказались от сарказма ещё в 1982 году. Получается какой-то бег по кругу, – жалуется глава РКН.

Тем не менее ведомство настроено решительно. Отечественные аналоги сарказма – песни певицы Валерии и стратегический ядерный мультипликат – полностью импортозаместят блокируемый ресурс, считают в РКН.

– Хочешь пошутить – расскажи про половые признаки бабушки. И смешно, и никого не оскорбляет. А древнегреческих смехуёчков нам тут не надо, – отмечает глава ведомства.

Усилия по блокировке сарказма уже привели к техническим трудностям. На территории РФ отмечаются сбои в работе общей логики, во многих населённых пунктах оказались заблокированы перспективы развития. Если не удастся победить сарказм непосредственно, чиновники не исключают выключения здравого смысла на всей территории РФ.

– Пути назад нет. Или он или мы, – подводит черту глава РКН.

Как писать идеальные каменты *назидание*

Это было много лет назад.

– Учитель, позволено ли мне сказать?

– Говори.

– Учитель, я работаю в рекламном агентстве и пишу каменты. За годы я изощрил своё искусство, каменты мои ядовиты и остры, но всё же они не всегда попадают в цель. Как сделать так, чтоб мои каменты были не просто хороши, но идеальны?

Учитель посмеялся. Он взял ученика за руку и привёл на кладбище. Там он съел яблоко и бросил огрызок в траву.

Три года просидел ученик на кладбище, пытаясь понять ответ учителя.

За это время из того места, где огрызок упал на землю, выросла яблоня. Когда на яблоне распустился первый цветок, ученик понял всё.

Каждая жизнь кончается смертью, но смерть не является целью жизни.

Эфир – это кладбище рекламных роликов.

Писать каменты, приготовляющие ролик к эфиру, это всё равно что учить живого человека правильно лежать в гробу.

Весь мир прежних ценностей ученика умер и сгнил, как яблочный огрызок. Из семени истины вырос новый цветок, трепетный и прекрасный.

Ролик жив, пока он меняется. У изменений нет цели, изменения и есть цель.

Правильные каменты ведут не к чему, а от чего. Правильные каменты уводят ролик от той черты, за которой он застынет и упокоится.

Ученик познал истину и сам стал Учителем. Он вернулся в мир и написал очень много каментов. Все они были идеальны. В конце пути он оставил нам эти назидания:

Первый враг – логика. Убей в себе логику. Раздави как змею. Спросят – какой вариант выбрали? Отвечай – тот, что без звука. Спросят – но это же картинки, они все без звука? Отвечай – фиолетовый циркуль. Абсурд – твой щит. Хаос – твой меч.

Понятный камент – не камент. Это закон. Представь себе полководца. Если его действия понятны противнику – полководец проиграл.

Можно сломать гранитную колонну, но нельзя сломать облако. Любая определённая уязвима. Если говорить об идеальном каменте, то, как долго ни изучай его, всё равно нельзя сказать уверенно, это осмысленное руководство к действию или просто кот ходил по клавиатуре. До такого уровня нужно дорасти.

У хорошего камента есть одно свойство – нельзя определить, его уже внесли или ещё нет. Это сложное утверждение, приведу примеры:

«Сделайте логотип на 20 % больше», – камент не просто плохой, но жалкий. Любой крестьянин с «Макинтошем» может понять, внесли этот камент или нет.

«Сделайте логотип чуть больше», – лучше, но всё ещё плохо.

«Проверьте логотип», – хороший камент. Даже Будда не сможет понять, проверили уже логотип или нет, а если проверили – то на что.

Из этого свойства хорошего камента есть понятное следствие – хороший камент можно вносить бесчисленное число раз.

Может ли камент быть ещё лучше? Может.

«лог%?.в-е)» – вот пример идеального камента. Но до такого уровня нужно дорасти.

Каждый твой камент – это путь к тебе. Клиенты, коллеги, начальство, подрядчики – все они пытаются спровадить твой ролик в эфир. Все они читают твои каменты, и все они ищут в них твою уязвимость. Защити себя. Каждое твоё слово должно стать неразрешимой загадкой. Каждое предложение – непроходимым лабиринтом. Играй формой. Пута́й знаки препинания. Помни, про идеальный камент нельзя сказать уверенно, это вопрос, приказ, пожелание или крик ужаса. Про идеальный камент вообще ничего нельзя сказать. Исполнить идеальный камент не способен даже Будда.

Однако бойся впасть в формализм. Один арт-директор достиг довольно значительной степени просветления. На любой вариант дизайна он просто писал в ответ одно слово: «хуйня» – в этом состоял его путь. Метод был хорош, но всё же камент «хуйня» нельзя признать идеальным, потому что спустя пятнадцать лет начальство постигло тактику арт-директора, уволило его и возложило обязанность писать дизайнерам слово «хуйня» на местного курьера. Формализм уводит с пути.

Не вступай в прямую схватку с дизайнерами. Ты сильнее любого из них, но дизайнеров слишком много. Пока ты ломаешь одного об колено своего сарказма, на перрон Ярославского вокзала выгружается ещё десяток таких же.

Будь как американский беспилотник – жаль откуда-то из-за туч, невидимый, неведомый, недостижимый. (Когда я пишу «из-за туч», не надо понимать это буквально. Имеется в виду любая естественная преграда, подвал почтовой рассылки, например.)

Кружи, петляй, уклоняйся. Не давай припереть себя к стенке. Разговор по телефону – слитый раунд. Личная встреча – проигранная схватка. Визит в офис – потеря лица.

На всей земле нет тебе союзника верней, чем юрист. Хороший юрист может бесконечно долго не пускать ролик в эфир. Смелый юрист не юрист вообще.

Работай с постпродакшен-менеджером. Он – острое копьё. Важно, против кого это острое будет направлено, против тебя или против дизайнеров. Дерзкая девочка с любовью к порядку сдаст твой ролик в эфир на день раньше срока. Аутичный мальчик, просто теряя письма и путая варианты, может сделать одну работу целого агентства. Пол, разумеется, не имеет значения. Важно вот что: выбирая постпродакшен-менеджера, посмотри на его руки. Если палец, которым он жмет кнопку «форвард», хорошо развит и весь в мозолях – это твой человек.

Какие идеальные каменты ни пиши, всё равно рано или поздно придёт Дедлайн.

С Дедлайном нельзя справиться, ничто не может ему противостоять.

Каждый ролик рано или поздно попадёт в эфир. (Лишь только тот ролик не попадёт в эфир, в котором содержатся признаки статьи за оправдание гомосексуализма, но это уже другая история.)

И каждый из нас тоже рано или поздно уйдёт навек в великий эфир.

И всё забудется. Забудутся твои каменты, твои взлёты и неудачи. Все эти «проверьте логотип», «лог%?.в-е» и «хуйня». Ролики твои забудутся даже раньше, чем кончится их ротация.

Только старая яблоня над чужой могилой каждую весну будет шелестеть новой листвой, напоминая о старой загадке, ответ на которую вы только что прочитали.

Говно

Было холодно, но не внешним, а каким-то безнадежным внутренним холодом, какой бывает на похоронах. Дрожали собаки, дрожали собачники, дрожал Иннокентьев, дуя на пальцы и не веря беде: всю ночь шел снег, и парк, над которым трудились неделями, месяцами, за одну ночь приобрёл вид, как будто здесь вообще никто никогда не срал.

– Полгода жизни коту под хвост, – подвёл черту старик Толобоев.

Бросились было навёрстывать и очень скоро поняли – безнадежно.

Самое страшное было, что снег не унимался, тихонько подсыпая и днём, и вечером. Уже к концу прогулки свежие плюхи едва читались, а на следующий день так и вообще пропадали из виду, и всюду царила эта злая, оглушительная чистота.

– Товарищи, положение катастрофическое. Я даже не говорю о том, чтоб вернуть прежнее покрытие, нам хотя бы бегло обозначить присутствие!..

«Вернуть прежнее покрытие», – Иннокентьев едва не заскулил – сколько сил, сколько труда, денег, наконец!

Весна вышла поздней, лето дождливым, но за короткую сухую осень успели многое.

Обоссали все скамейки, фонари и урны. В безлунную полночь идешь по парку, в самую темень, глаз выколи, а всё равно понятно – все обоссано.

Троекратно, с занесением в план обхода, под роспись, скрупулёзно обоссали все ключевые зоны парка (оба входа, главную аллею, детскую площадку и мостик). Прошлись по газону. Не забыли летнюю эстраду. Да что эстраду – в самый дальний глухой угол, в бурьян, в овраг, в репей по пояс, куда и люди-то не заглядывают, туда проберёшься – так и там – оп! на тебе! Лежит.

И тут...

– ...Беру «Ролтон» просроченный. Завариваю в тазу... – (к прениям перешли, догадался Иннокентьев). – Пенопласт в него крошу. Для объёма. Битума на тёрочке туда же... Для цвета и для вязкости... «Макнагетс» ещё хорошо, если не очень свежий... Вот так зарядимся, и три-четыре ходки в день. Да толку-то?..

– ...Вот вы смеялись, дескать, догу мяса надо вдесятеро, а говна всё равно как от пуделя. И где теперь ваши пуделя? Утонули? А мой вон! Видите?.. Нет, на пригорке... Подождите, была же... Ну, значит, всё уже, замело... едрить его...

– ...Дамочка! Я беру пакеты целлофановые, и не то что за собой, я даже тёщино всё до крупиночки собираю и сюда ношу, да. И здесь разбрасываю. И что? И где оно? Ноль!..

– ...Как вариант, крепим пуделей к догу скотчем, на манер авиабомб, по бокам. Имеем увеличение проходимости плюс говно от всех троих на поверхности. Причём, я так мозгую, пуделя от такой тряски даже ббольшую территорию покроют, как думаешь, Петр Степаныч?..

– ...Я говорю своей: Зин, я не буду в этом месяце вообще водоотведение оплачивать. Я ни разу на унитаз не присел, всё в пакет. И где оно? Ноль!..

– ...Лопаточкой выкапываю и снова на поверхность кладу. Засыпает – я опять откапываю и опять на поверхность. А что? Я все свои места помню. Да у меня и в тетрадке записано...

– ...А что если все силы только на детскую площадку бросить?..

Иннокентьев рассеянно курил, шурясь от проклятой белизны, машинально кивая словам товарищей. Потом набрался смелости, шагнул вперёд и приобнял за плечи Амальеву:

– А помните, как перед самым Новым годом мы во-он по той беседке проходились?

– Ночь, звёзды, – Амальева не обернулась, только мечтательно покачала головой, – и то ваша, то мой, то ваша, то мой...

– Плюшка к плюшке...

- Плюшка к плюшке.
- А теперь там один снег.
- Да. Теперь один снег...
- Жизнь разделилась на до и после, – подвёл черту старик Толобоев.

Срали месяц.
Многие взяли отпуска.
Тяжело, трудно и абсолютно бесполезно.
Собаки тряслись на тощих лапах, шурясь на снег мутными от диеты глазами...

И тут пришла оттепель. Сутки стоял туман, густой, как овсянка, а потом вышло солнце, и собачники ахнули. Снег, их неумолимый враг, холодный стерильный снег, неделями сковывавший парк, сошёл почти полностью, задержавшись только на тыльных сторонах пригорков и у корней старых лип, и всё пространство, насколько хватало глаз, теперь сверкало живым коричневым блеском.

Иннокентьев снял ботинки, носки, зажмурился и сделал шаг.

– Куда ты, оглашенный? Простудишься! – Но Амальева, смеясь, и сама не удержалась, стащила сапоги и, как в воду головой, припустила под горку.

Господи, сколько же вокруг было говна!

Снег вернул свою добычу сторицей, сверкало солнце, плясали собаки, и весь мир вокруг был одно блестящее жирное месиво.

– Черпанёшь!.. Черпанёшь же!.. – Злая нянька бранилась, пытаясь найти для своего карапуза незасранный снежный пятачок. Куда там!..

Иннокентьев и Амальева бежали, взявшись за руки, скользя и чавкая, слепые от счастья и слякоти, размазывая брызги по лицам и стёклам очков.

– Жизнь – это говно, а говно – это жизнь, – подвёл черту старик Толобоев. – Теперь парк до самого Покрова наш.

– А я, пожалуй, так пуделей и не буду отцеплять! – веселился владелец дога.

– Твоё право, папаша! – смеялся в ответ Петр Степаныч...

Вечером, когда подморозило и захрустело, собаки носились вокруг ещё заваленной снегом беседки, Амальева подставляла Иннокентьеву белую, пахнущую собакой шею и шептала:

– Только никогда не ври мне... – шептала Амальева. – Что угодно, любое говно, только не снег... Только не этот мёртвый, укрывающий душу, снег...

Живой труп

– Ого! Метра полтора тут, если не больше. – Продюсер Кирилл опасно перегнулся через перила и побледнел.

– Шестьдесят пять сантиметров. Вот рулетка.

– А внизу плитка битая!

– Плитку уберём, мат подложим.

– Очень важно, чтоб всё натурально было.

– И будет.

– Нет, это пипец. Макс ни за что отсюда не прыгнет.

– Слушай, тут ребёнок прыгнет.

– Ребёнок прыгнет, а Макс говном изойдётся.

– Ну, Каскадёр Вадик прыгнет...

Каскадёр Вадик утвердительно затряс башкой – я прыгну. Я откуда хочешь прыгну.

Каскадёр Вадик был невероятно покладистым. Если в начале карьеры у него ещё путались под ногами и мешали в работе жалкие остатки инстинкта самосохранения, то после удачного падения с баржи головой в сваю он полностью с ними распрощался и с тех пор безропотно выполнял абсолютно всё, о чем бы его ни попросили.

К сожалению, в смысле характера Звезда Макс был прямой противоположностью Каскадёра Вадика.

Шпага тяжёлая. Кираса немодная. Шляпа с перьями полнит. Маленькие ботфорты опасные, а большие трут в паху.

Делали специальную шпагу из финского поролона, меняли кирасу на камзол, камзол на рубаху, рубаху на другой камзол, более креативный. Несчастливая костюмерша выхаживала всю ночь по детской площадке, разношивая ботфорты, – Макс скрипел и капризничал, всё ему не нравилось, во всём чувствовался подвох и желание сэкономить на жизненно необходимом актеру уровне лакшери.

– Выкинь кадр с прыжком из раскадровки. Вообще. Нет такого кадра! Начнём с фехтования, Каскадёр Вадик покажет Максиму пару простеньких движений, у того получится. Макс раздухарится, помашет шпагой на свежем воздухе, хорошо пообедаст, а потом ты его как бы невзначай подведёшь к перилам и перед лицом всей киногруппы ему уже будет неловко давать задний ход. Как идея?

Продюсер Кирилл ощутил легкую дурноту от предстоящей авантюры, и ноги его привычно подкосились от страха:

– А вдруг он всё равно откажется?..

– Нагони народу. Посади агентство прямо напротив этих злосчастных перил. Перед всеми не откажется, ему стыдно будет.

– А ему вообще бывает стыдно?

Макс не танцует. Макс не поёт. Макс не скачет на лошади.

Не занимается никаким спортом, тем более боевыми искусствами, тем более фехтованием, не водит машину, не играет на инструменте, не говорит ни на одном языке, кроме ставропольского.

– Пусть клиент с ним разбирается. Он Макса хотел – пусть сам его и уговаривает.

– Да. Пусть клиент... – Но тут Продюсер Кирилл так живо представил себе клиента, что едва успел отскочить в сторонку и приспустить штаны.

За неимением лучшего был принят план взять Макса на слабо.

Наступил страшный день съёмки.

Встали в пять утра, постояли под душем, помолились кому попало, долго тряслись в нетопленном «мерседесе».

К рассвету приехали на натуру, под градом капризов и упреков запихали Макса в средневековую амуницию, сунули в руку шпагу из финского поролона, напомнили текст, поставили в кадр, мужчины скрестили клинки, в первом же выпаде поролоновая шпага спасовала перед железной, и Каскадёр Вадик заколол Макса наповал.

Утратив речь, съёмочная группа склонилась над двумя бездыханными телами.

Справа, всё реже и реже подрагивая носком заботливо разношенной для него ботфорты, в расплывающейся луже цвета гранатного сока отходил Звезда Макс.

Слева, с несвойственным ему выражением мира и спокойствия на лице, тоже в луже, но иной природы, в глубоком обмороке замер Продюсер Кирилл.

– Просили ж всё натурально!.. – непонятно к кому обращаясь, разводил руками Каскадёр Вадик. – Вот я и вот...

Киношники молчали.

Одни потрясены были неожиданно спорой, особенно по контрасту со съёмочными департаментами, работой старухи с косой.

Другие раздумывали о тонкой грани, разделяющей живую звезду и исходящий реквизит.

Третьи жалели продюсера, обеда, который вряд ли теперь объявят, а ещё больше своего гонорара за переработку.

Были и те, кто ничего не думал, а просто пялился на выставленный перед ними на гравии диковинный пэкшот.

Старый мудрый Камерамен, седой как лунь, протиснулся сквозь толпу, замер и некоторое время внимательно смотрел на покойного.

– А ведь теперь он, пожалуй, и прыгнет, – негромко, но чётко произнес он.

Все снова посмотрели на Звезду Макса, но уже другими глазами.

Продюсер Кирилл судорожно вздохнул и приподнялся, ему помогли сесть.

Да. Всем. Даже Каскадёру Вадиду стало понятно, что да. Теперь ничего не мешает. Теперь он прыгнет.

– Ну, что встали? – Продюсер Кирилл, шатаясь, поднялся с земли и хлопнул в наливающуюся оптимизмом ладошки. – За работу!

– Раз, два, взяли!

– Ребята, вас видно было. Можете кидать Максимку чуть подальше?

– Принято!

– Будет дубль!

– Раз, два, взяли!..

Распластав в полете руки с грацией и бесстрашием тряпичной куклы, Макс снова и снова перелетал через перила и снова и снова рушился с высоты полутора метров в битую плитку двора.

– Ребят, умоляю, берегите лицо! Нам ещё крупный план снимать...

– Принято!

– Будет дубль!

– Раз, два, взяли!..

– Слушайте, я вот что подумал. Таким макаром Макс же теперь и плавать может?

– А ведь верно!.. Эх, жаль, что мы водный ролик не снимаем...

– Так, может, снимем? Тут неподалёку пруд есть?

– Прямо сейчас?

– А когда? Другого шанса не будет.

– А переработка?.. – И оба легко и весело засмеялись – нет у Макса теперь переработок.

За всю свою карьеру не испытал Макс столько съёмочного экстрима, сколько в первые семь дней после смерти.

Он плавал в ледяном и грязном пруду.

Скакал на бешеном коне.

Прыгал с парашютом и боролся с тигром.

Снимали Макса в две смены, дневную и ночную, пытаясь обогнать безжалостный процесс разложения.

Между дублями Макса подновляли гримёры и клали отдыхать в специально привезённый из города холодильник.

Не всё шло гладко.

Макс выпал из лодки, его затянуло под какую-то корягу, пока в темноте, чертыхаясь, шарили по дну баграми, Макса сильно поел сом.

Дурной конь испугался покойника, сбросил Макса в гравий и наступил ему копытом на лицо.

На долгой перестановке Макса забыли под деревом в лесу, и, пока хватились, Макс оттаял и потёк, бродячий пёс сделал с телом непристойность.

– Всё равно, такой Макс лучше, чем живой.

– Даже сравнения нет!

За неделю сняли семнадцать роликов.

Продюсеру Кириллу затянули разводным ключом митральный клапан, он всё ещё очень боялся, но уже чаще бывал в сознании и в пятницу даже прошелестел со слабой улыбкой что-то про некро-каннских львов и «настоящее творческое бессмертие».

Понимал ли клиент, что Макс мёртв?

Возможно.

Хотел ли он посреди кампании менять лошадей на переправе?

Едва ли.

Действительно ли ему был так важен последний ролик, в котором Макс танцует на лужайке с дружелюбными собаками и маленькими детьми?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.